

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-199-214>

<https://elibrary.ru/HMBMXX>

УДК 821.112.2.0

ББК 83.3(4Гем)

Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2023 г. В.Д. Еречнева

ИДЕАЛ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОМАНЕ Г. ГЕССЕ «ДЕМИАН» В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Аннотация: В статье рассматривается проблема репрезентации гендерной идентичности в романе Г. Гессе «Демриан. История юности, написанная Эмилом Синклером» (1919). Последовательно анализируются характеристики основных женских образов, на основании чего делаются выводы об эволюции восприятия героем-рассказчиком женского идеала. Отмечается связь между изменением понимания «женского» и формированием у персонажа собственных морально-этических воззрений. Отказ героя от конвенциональных представлений и восприятия мира через бинарные оппозиции, а также утверждение необходимости обращения к индивидуальной природе, выступающие в качестве основных положений его миропонимания, применяются в романе и для рефлексии гендера. Проблема гендерной идентичности ставится в романе в один ряд с этическими вопросами, что позволяет преодолеть как идею ее биологической или иной детерминированности, так и строгую дифференциацию мужского и женского. Также рассматривается осмысление категории архетипа К.Г. Юнга в романе. Через психоаналитические концепции анализируется динамика восприятия и конструирования собственного «я» героем-рассказчиком. Вопрос разработки гендерной проблематики в романах Г. Гессе практически не раскрылся в русскоязычной научной литературе. Эта статья предлагает новый подход к наследию писателя, позволяющий прочитывать его тексты в контексте актуальных исследовательских проблем.

Ключевые слова: архетип, бинарные оппозиции, гендерная идентичность, Г. Гессе, К.Г. Юнг.

Информация об авторе: Варвара Денисовна Еречнева — студентка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1, 119571 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-5445-3205>

E-mail: v.erechneva@gmail.com

Для цитирования: *Еречнева В.Д.* Идеал и идентичность в романе Г. Гессе «Демиян» в контексте гендерной проблематики // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 199–214.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-199-214>

© 2023. **Varvara D. Erechneva**

IDEAL AND IDENTITY IN HERMANN HESSE'S NOVEL *DEMIAN* FROM GENDER PERSPECTIVE

Abstract: The article considers the problem of representation of gender identity in the novel by H. Hesse *Demian: The Story of Emil Sinclair's Youth* (1919). The characteristics of the main female figures are consistently analyzed, and on this basis the conclusions about the evolution of the narrator's perception of the feminine ideal are drawn. There is a connection between the change of understanding of "femininity" and formation of the narrator's own moral and ethical views. The protagonist's rejection of conventional representations and perception of the world through binary oppositions, as well as his assertion of necessity to appeal to individual nature as the basic elements of his worldview, are applied in the novel not in the least for the reflection of gender. The issue of gender identity is placed in the novel on the same level as the ethical issues, thus overcoming both the idea of biological or other deterministic identity and the strict differentiation between the masculine and the feminine. The perception of the category of Jungian archetypes in the novel is also considered. The dynamics of construction and representation by the narrator of his own "I" is analyzed through psychoanalytic concepts. The problem of gender in the novels by H. Hesse has been underresearched by Russian scholars. This article offers a new approach to the writer's legacy, allowing to read his texts from the relevant methodological perspectives.

Keywords: archetype, binary oppositions, gender identity, Hermann Hesse, Carl Gustav Jung.

Information about the author: Varvara D. Erechneva, undergraduate, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vernadskogo ave., 82/1, 119571 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-5445-3205>

E-mail: v.erchneva@gmail.com

For citation: Erechneva, V.D. "Ideal and Identity in Hermann Hesse's Novel *Demian* from Gender Perspective." *Femininity and Masculinity in the Modernist Culture: Russia and Abroad*. Ex. ed. Veronika B. Zuseva-Özkan. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 199–214. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0740-3-199-214>

Роман Германа Гессе «Демиян» (1919) повествует о пути героя-рассказчика к самому себе, об отказе от навязанного и обретении индивидуального [Гессе, с. 7]. Одним из проявлений его освобождения от конвенциональных моделей мышления выступает преодоление им восприятия мира через бинарные оппозиции. Обретенный героем взгляд касается разнообразных жизненных аспектов, в частности — представлений о «женском» и осмысления собственной идентичности.

В отечественном литературоведении «Демиян» часто рассматривается в рамках анализа сквозных тем, мотивов и образов «позднего» Гессе, поскольку именно этот роман обычно считается произведением, с которого начался новый этап в творчестве писателя [Березина, 1976, с. 12; Сенэс, с. 190–192]. Роман часто сопоставляется с другими текстами Гессе и изучается с точки зрения тематических и философских особенностей. Различные исследователи отмечают влияние восточных учений, «музыкальность» стиля писателя (как с позиции философской значимости музыки, так и в смысле организации текста), психологизм Гессе, выделяют «тип» главного героя, свойственный его произведениям [Березина, 1975; Гутманис; Каралашвили; Малащенко, 2008 b]. В ряде работ предметом рассмотрения выступает и исключительно роман «Демиян», специфические для него мотивы и образы (мотивы двойничества, игры с демоном, двоимирия, мифологические образы и т. д.) или формальные особенности повествования [Захарова; Красавский; Малащенко, 1996; Малащенко, 2008 а; Сапега]. Ряд ученых обращаются к вопросу о влиянии психоанализа на поэтику произведения, в частности, на женские образы [Злотникова; Tusken]. Однако полно-

ценное рассмотрение этих образов, динамики раскрытия в романе темы «женского» и новизны отраженного в тексте взгляда на гендерную проблематику фактически не имело места.

В предлагаемой статье мы проанализируем два главных женских образа романа — это Беатриче и госпожа Ева, выступающие как сменяющие друг друга представления героя-рассказчика о категории женского. Согласно нашей гипотезе, эволюция восприятия «женского» центральным персонажем становится одним из свидетельств его индивидуального роста. Путь героя «к себе» проходит через отказ от традиционного понимания гендерных ролей как части конвенциональных морально-этических представлений. Также в статье рассматривается, в каких аспектах текст Германа Гессе преодолевает положения гендерного эссенциализма, а именно дуализм и наличие единого образа пола.

Первым воплощением женского идеала Эмиля Синклера — главного героя романа — является Беатриче. Герои ни разу даже не беседуют друг с другом, образ возлюбленной всецело построен на представлениях и мечтах Синклера. Беатриче в романе выступает исключительно как объект созерцания и рефлексии центрального персонажа. Она появляется в жизни Эмиля Синклера в момент «нравственного падения», когда он, болезненно переживая двойственность мира и свою причастность к его темной стороне, ощущает себя «грязным, мерзким подлецом, грубым животным» [Гессе, с. 97–98]. Поклонение Беатриче — безмолвной, бестелесной, чистой — оказывается для него попыткой вновь построить светлый детский мир, т. е. однозначный и невинный мир отцовского дома.

Для Синклера особенно важен платонический характер его нового идеала; в «священном огне» воздвигнутого алтаря главный герой хочет преобразить сексуальность в «дух и благоговение». Беатриче становится символом, способным сдержать все пугающие его глубинные порывы. Этот период ознаменован отказом Эмиля Синклера от «темного» в себе, что в первую очередь проявляется в подавлении им сексуальных импульсов. Сама Беатриче описана в тексте как молодая дама «высокого роста, элегантно одетая, с умным мальчишеским лицом». Герой-рассказчик трижды подчеркивает, что в чертах девушки есть нечто мальчишеское, что особенно его привлекает. Это позволяет говорить о том, что уже в первом идеале Эмиля Синклера важной составляющей является «синтетичность», сосуществование различных начал («элегантность» и «озорные мальчишеские черты»). Однако это пока что не амбивалентность более позднего идеала, поскольку черты Беатриче на самом деле не

противопоставлены. Все в ней еще несет на себе отпечаток детскости («совсем уже почти дама», «мальчишеские формы»). Различные элементы описания Беатриче сосуществуют без внутреннего напряжения, не вступая в противоречие. И мужское, и женское в героине не полностью сформировано, она юна, и потому ее образ — светлый и детский — по своей сути лишен отчетливых гендерных характеристик [Гессе, с. 104–106].

Важно отметить и черты того образа, который лег в основу идеала Эмиля Синклера, — Беатриче Данте¹. В текстах автора «Божественной комедии» возлюбленная всегда описывается чистой и светлой. Как известно, Данте впервые увидел Беатриче в детстве. Его любовь, зародившаяся, когда поэту было девять лет, в культуре воспринимается как изначально невинное, детское чувство, по природе своей не имеющее сексуального оттенка. Беатриче в творчестве Данте, как правило, лишена телесности. В «Божественной комедии» она не имеет тела совершенно буквально — лишь в качестве души она выступает проводницей героя в Раю. Это отражает и другое свойство Беатриче — причастность божественному. В «Новой жизни» есть эпизод, где ее образ является Данте во сне: Беатриче предстает на руках Бога [Данте, с. 37]. В более позднем творчестве Данте Беатриче противопоставляется образу благородной дамы Философии. В этой антитезе первая выступает, скорее, в качестве символа эмоционального начала, способа познания и достижения блаженства в духовной связи с Другим, а вторая — начала рационального, направленного на холодное созерцание и познание в первую очередь себя самого [Корбелла, с. 61]. Беатриче часто рассматривается в научной литературе как вариант образа Вечной Женственности, который, будучи отражением объединяющего «духа любви», противоположен рациональности как разделяющей силе [Пигалев, с. 58].

Итак, образ дантевской Беатриче участвует в ряде дихотомических пар: греховное / праведное, телесное / духовное, рациональное / эмоциональное — и несет в себе свойства только одной стороны названных антитез. Многие исследователи подчеркивают, что в этой героине у Данте сосуществует земное и небесное, она одновременно и человек, и олицетворение Божественной Мудрости [До-

¹ Отметим, что герой романа говорит, будто он не читал Данте, а повстречавшуюся ему девушку назвал именем Беатриче, потому что видел изображение героини на картине [Гессе, с. 105]. Однако и ему самому, и, что более важно, читателю отсылка очевидна, поэтому мы не станем отказываться от анализа дополнительных смысловых пластов, образованных использованием в тексте образа дантевской Беатриче.

брохотов, с. 138, 153]. Но все же образ Беатриче не вмещает ничего «неправедного», все, что сочетается в ней, — и человеческое, и сакральное — духовно и нравственно (с точки зрения христианской этики). Показателен эпизод в «Божественной комедии», когда в Чистилище Данте медлит и боится проходить сквозь огненную стену, очищающую от сладостолубия. Тогда Вергилий подчеркивает, что эта стена отделяет его от Беатриче [Доброхотов, с. 141]. Текст, таким образом, содержит прямое указание на несовместимость Беатриче и греховного в человеке: духовно не «очистившийся» Данте не может ее увидеть.

Схожими чертами наделена Беатриче Гессе. Как и героиня Данте, она сочетает в себе некоторые противоположные категории, но всегда остается в рамках «светлого». Однако вместе с возвышенными идеалами через образ возлюбленной Эмиль Синклер получает и восприятие мироздания как двойственного (или вновь утверждается в своей вере в эту двойственность, поскольку переживание двоemiрия так или иначе было у героя с самого детства). Возводя алтарь Беатриче, герой-рассказчик соглашается с «черно-белым» восприятием жизни, делением всего на правильное и неправильное, достойное и недостойное. Теперь он хочет «освободиться от темного и злого в себе и целиком пребывать в светлом», стремится полностью отделить себя от «порочной» стороны жизни [Гессе, с. 106].

С «традиционным» литературным и культурным образом герой принимает и традиционную мораль, частным проявлением которой является оппозиция мужского и женского (оппозиция именно иерархическая, подобно тому, как есть очевидная оценочность в противопоставлении божественного и земного). Он соглашается, что существует некое «женское» начало, несущее в себе определенные черты и принципиально отличное от других, «не-женских» сторон жизни. То, что не соответствует высокому образу, воспринятому персонажем из западноевропейской культуры, отбрасывается им как запретное, «безобразное».

Таким образом, первый образ женщины для Эмиля Синклера — это образ Беатриче. Для героя «женское» — в лучшем своем проявлении — светло и невинно, не касается сексуальной жизни, побуждает к поклонению и служению, божественно. Однако этот идеал, отражающий принцип восприятия мира через бинарные оппозиции, впоследствии отбрасывается героем как навязанный.

Неестественностью такого образа, его несоответствием индивидуальным побуждениям героя и внешним характером по отношению к его внутренней жизни можно объяснить, почему Эмиль

Синклер оказался неспособен написать по памяти портрет Беатриче. Рубеж, после перехода которого меняется и отношение героя к «женскому», — это решение отказаться от попыток сделать портрет Беатриче отражением черт реально существующего человека:

Чем больше пытался я представить себе лицо девушки, которую я нет-нет да и встречал на улице, тем хуже шло дело. В конце концов я отказался от этого и начал просто писать лицо, подчиняясь фантазии и тем указаниям, которые из начатого, из красок и кисти возникали сами собой [Гессе, с. 108].

Беатриче — символ, женский идеал. И именно решение не изображать чужой идеал (т. е. «божественную» и чистую возлюбленную Данте, один из устоявшихся образов в европейской культуре), следуя вместо этого индивидуальным представлениям, становится одним из шагов главного героя к самому себе.

Портрет, как отражение внутренних представлений главного героя, обретает черты, совершенно отличные от образа Беатриче. Изображение оказывается «чем-то вроде иконы или священной маски, полумужской-полуженской, без возраста, в такой же мере исполненной воли, как и мечтательности, в такой же мере неподвижной, как втайне живой» [Гессе, с. 109]. Уже в этом описании можно увидеть черту, которая позже отразится в образе следующего идеала женщины для Эмиля Синклера: амбивалентность. Портрет сочетает в себе противоположные свойства, они, как бы перетекая одно в другое, сосуществуют в нем. Позже герой осознает, что нарисованная им фигура похожа не только на Беатриче — в ней проявились также черты Демиана (друга и наставника героя) и самого Эмиля Синклера. Этот портрет становится отражением судьбы героя, его жизни и его смерти. «Таков будет мой друг» и «такова будет моя возлюбленная» — все это сосуществует в лице его нового идеала [Гессе, с. 111].

Окончательно этот идеал оформляется в образе госпожи Евы — матери Макса Демиана. Сначала Эмиль Синклер видит ее лишь во снах, не подозревая, кто это на самом деле. Но при встрече герой сразу узнает «свое видение». С образом госпожи Евы он связывает свое новое понимание жизни, любви, морали:

Любовь уже не была животным, темным влечением, как то страшило меня вначале, не была она и одухотворенным, молитвенным преклонением, какое рождал у меня образ Беатриче. Она была и тем и другим, тем и другим и еще гораздо большим, она была ангельским по-

добием и сатаной, мужчиной и женщиной одновременно, человеком и животным, величайшим благом и величайшим злом [Гессе, с. 126].

Двойственность этого образа отражена и в имени — госпожа Ева. С одной стороны, Ева — это имя первой женщины, в ней объединены идея материнства и идея первородного греха. Образ Евы часто выступает в качестве антитезы образу Адама — первого мужчины. Противопоставление исторически трактовалось по-разному: начиная с использования истории грехопадения для оправдания подчиненного положения женщины в обществе и заканчивая осмыслением образа Евы в ее союзе с дьяволом в качестве символа противостояния патриархальным устоям, отражением которых служили Адам и Бог Отец [Факснелд, с. 68–90]. В любом случае образ Евы всегда находится в оппозиции, является отражением «женского» как специфически «не-мужского».

С другой стороны, перед именем героини Гессе стоит обращение «госпожа» (немецкое “frau” можно перевести и как «госпожа», и как «женщина» или «жена»), что предполагает ее высокую, подчиняющую позицию в некоторой иерархии. Именно вокруг нее собирается своего рода сообщество, в которое потом входит и Эмиль Синклер. Также госпожа Ева является единственной родительской фигурой для Макса Демиана, т. е. выполняет в его жизни и материнскую, и отцовскую функции. Все это подчеркивает «мужскую» сторону образа Евы (с точки зрения традиционных гендерных ролей), а также придает ему скорее символическую, чем реалистическую окраску [Tusken, p. 629]. Отметим также, что двойственность и некоторая неоднородность значений содержатся и в самой этимологии немецкого слова “frau”, связанной как с традиционно женскими атрибутами (мотивом плодородия и образом сосуда), так и с маскулинными чертами: воинственностью и главенствующей позицией [Маковский, с. 143–145].

Другим свойством госпожи Евы, наряду с объединением в ней противопоставленных качеств, выступает ее «архетипичность». Если обращаться к юнгианской терминологии, то эта героиня соответствует Великой Матери [Злотникова, с. 181]². Амбивалентность

² Интерес Г. Гессе к психоанализу оказал значительное влияние на роман «Демиан», поэтому использование терминологии этой школы для рассмотрения образа героини уместно [Маркович, с. 13; Сенэс, с. 191]. Отметим также, что за несколько лет до публикации романа Гессе начал посещать сеансы психоанализа доктора Ланга. Творчество писателя высоко ценили как З. Фрейд, так и К.Г. Юнг [Сенэс, с. 189, 195–209].

образа госпожи Евы во многом обусловлена связью с этим архетипом, потому что он сам двойственен: в нем сочетаются угроза и покой, в культуре он часто воспроизводится в дуальной роли матери-возлюбленной [Юнг, с. 217–218].

Госпожа Ева, таким образом, позволяет герою Гессе преодолеть дихотомическое восприятие реальности, благодаря чему весь мир, другие люди и собственное «я» перестают оцениваться им через строгие, противопоставленные пары моральных категорий. Теперь Эмиль Синклер способен сочетать в своем восприятии жизни, казалось бы, несовместимое: «Блаженство и ужас, смешение мужчины и женщины, сплетение самого святого и самого омерзительного, дрожь глубокой вины, проникающая нежнейшую невинность, — такова была любовь в моем видении...» [Гессе, с. 126]. В предпоследней главе романа герой не только преодолевает деление всего и вся на противоположности, но и обретает спокойствие и уверенность в таком отношении к жизни:

И постепенно чувственная и нечувственная любовь, действительность и символы смешивались. Тогда я, бывало, спокойно и проникновенно думая о ней у себя в комнате, одновременно мнил, что рука ее лежит в моей руке, а губы ее прижаты к моим губам [Гессе, с. 201].

Как уже было сказано выше, образ госпожи Евы является обращением к архетипической фигуре. С одной стороны, это позволяет предположить, что посредством такого персонажа в романе утверждаются положения гендерного эссенциализма. Ведь архетип, «начальный образ», часто понимается как нечто заранее заданное, предопределяющее человека содержательно. Во многом именно поэтому психоанализ до сих пор является предметом споров в феминистской критике [Денисова]. По этой же причине разработка женских образов в романе иногда оценивается как несколько старомодная, закрепляющая традиционное понимание роли женщины [Rodchyn, Blahun, p. 174]. Однако на обращение Гессе к категории архетипа можно взглянуть и иначе. Образ идеальной женщины в романе вписан в более широкую тему поиска собственной идентичности. Эмиль Синклер в последних главах текста формирует основные положения собственного мировоззрения, сутью которого является обретение себя самого и следование своей судьбе:

Истинное призвание каждого состоит только в одном — прийти к самому себе. <...> Все прочее — это половинчатость, это попыт-

ка улизнуть, это уход назад, в идеалы толпы, это приспособленчество и страх перед собственной сутью [Гессе, с. 170–171].

А в образе госпожи Евы главный герой видит именно отражение собственной судьбы [Гессе, с. 175]. То есть архетип Великой Матери здесь не является неким культурным или природным образом (с точки зрения биологического детерминизма, например), который Эмилем Синклером принимается извне. Он становится только формой для внутренних, сугубо индивидуальных представлений персонажа. И такое восприятие не противоречит юнгианским воззрениям: у Юнга архетип также рассматривается как некий каркас, «пустой и формальный», который каждый человек наполняет собственным содержанием, используя личный опыт [Юнг, с. 215–216].

Образ Беатриче как воплощение идеала отбрасывается героем именно потому, что он оказывается «идеалом толпы». Беатриче приносит в жизнь Эмиля Синклера чуждые ему ценности, ложные (по отношению к его самоощущению) моральные требования. «Служение» ее образу заставляет его стремиться только к «светлому», подавляя в себе все остальные порывы. Так, герой утверждает в понимании «чистоты» как нравственного критерия, принимает деление людей вокруг на тех, кто идеалу соответствует, и всех остальных («чистота» в определенный момент становится и инструментом оценки себя самого). Такой идеал ограничивает, создает рамку. Эта рамка распространяется, в частности, на гендерные представления, ведь в ней «хорошая» женщина должна обладать конкретными чертами. Ева, с другой стороны, — это тоже идеал, однако идеал исключительно индивидуальный. Она является отражением внутренних ощущений и мыслей, а потому изменчива [Гессе, с. 107]. Каждый день она может являться в новой форме, быть объектом желания или, наоборот, проекцией субъективных ощущений героя во внешний мир [Гессе, с. 200–201]. Такой образ, будучи репрезентацией гендерной роли, не может стать ни инструментом осуждения, ни инструментом контроля. Эта «идеальная женщина» не может быть описана, на основе ее личности не создать универсальный набор норм поведения. В этом смысле она преодолевает гендерный эссенциализм, способствует обращению к индивидуальной внутренней сути человека.

В тексте формулируется идея о необходимости обретения личностью собственной природы (в том числе в аспекте представлений о мужском и женском), которая не должна быть детерминирована ни биологическими факторами, ни тем более социальными. Герой

Гессе выражает чисто ницшеанское стремление «найти дорогу к своему идеалу», «дать себе свое добро и свое зло» [Ницше, 2020, с. 104; Ницше, 2021, с. 63]. Философия Эмиля Синклера, его стремление быть «по ту сторону» нравственных категорий и навязываемых ими оппозиций в целом перекликается с учением Ф. Ницше. Кроме того, герой несколько раз упоминает, что читал его книги, жил, «страдал с ним» и «чувствовал одиночество его души» [Гессе, с. 177]. Демриан же называет философа одним из тех, в ком было записано, «чего хочет от человека природа», выразителем «воли человечества». По этому признаку Эмиль Синклер и Ницше прямо сопоставлены³. Демриан утверждает, что благодаря таким людям свершится преобразование мира, глобальные потрясения покажут «негодность нынешних идеалов», будут свергнуты «боги каменного века» [Гессе, с. 111, 182].

Подобные — ницшеанские по духу — взгляды героев распространяются в романе и на гендерные категории: традиционные представления о мужском и женском оказываются одним из отброшенных идеалов. Границы гендерных ролей стираются, а действительно значимым оказывается только самоощущение человека, которое может быть изменчиво. Это символически утверждается в последней сцене романа, когда Эмиль Синклер, едва очнувшийся после ранения, видит Макса Демриана, и тот передает ему поцелуй от матери. Друг главного героя говорит, что теперь будет жить в его душе, больше не явится ему в образе реального человека. В этой сцене все три персонажа — герой-рассказчик, Макс Демриан и госпожа Ева — сливаются в едином образе, становятся частями или воплощениями внутреннего мира Синклера. Его собственная идентичность более не ограничена одним образом «я», но включает в себя «образы судьбы», не сводящиеся к строго определенному самоощущению и к сугубо «мужскому» в человеке, свободные от общественных представлений.

Разумеется, нельзя говорить о том, что в романе Гессе формулируется некоторая новая гендерная теория. Однако в тексте, безусловно, содержится предчувствие направления, в котором десятилетия спустя будут двигаться искусство и гуманитарные науки. Рассмотрение вопроса идентичности через призму этики и культурно обуславливаемых образов делает этот роман близким многим современным

³ Не только герою близка философия Ницше — известно, что сам Г. Гессе читал труды немецкого философа и всю жизнь возвращался к ним [Сенс, с. 99, 172, 197]. Особенное влияние ницшеанства именно на роман «Демриан» также отмечают разные исследователи [Березина, с. 12; Маркович, с. 13].

взглядам на проблему. Обращение Гессе к психоанализу Юнга и к теории архетипов также во многом предвосхитило будущие пути развития гендерных исследований. Так, некоторые направления современной феминистской критики перерабатывают понятие архетипа, рассматривая его как индивидуальную душевную силу, способную вернуть человека к «естественности» и помочь преодолеть негативную оппозицию мужского и женского [Трубникова, с. 144–145].

Роман Гессе, безусловно, обращен вперед, к грядущим эпохам. Его герой рассуждает о том, что человечество — «далекое будущее», а стать собой необходимо именно с тем, чтобы быть готовым ко всему, что несет грядущее [Гессе, с. 193–195]. Для Эмиля Синклера порядок во внутреннем мире является не желанием, но необходимостью, поскольку герой предчувствует, что всецело понимающие себя люди будут нужны позже. Преодоление культурных предрассудков, обращение человека к своей индивидуальной природе — залог наступления загадочного, обновленного будущего. Эта проблема, частным проявлением которой, как мы показали, является восприятие гендера, в романе Гессе обретает фундаментальное значение, становится онтологическим требованием для обновления мира вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Гессе Г. Демиан / пер. с нем. С. Апта. М.: АСТ, 2021. 220 с.
- Данте Алигьери. Новая жизнь / пер. с ит. А. Эфроса, ред. С. Ошерова. М.: Худож. лит., 1965. 578 с.
- Денисова А.А. Словарь гендерных терминов / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
- Маковский М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Азбуковник, 2004. 630 с.
- Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / пер. с нем. Н.Н. Полилова. М.: Эксмо, 2020. 288 с.
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю. Антоновского. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2021. 352 с.
- Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

Исследования

- Березина А.Г.* Герман Гессе / ред. И.С. Яворской. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. 126 с.
- Березина А.Г.* Философия музыки в творчестве Германа Гессе // Литература и музыка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. С. 195–206.
- Гутманис А.Э.* Путь Германа Гессе к созданию концепции совершенной личности // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1987. № 6. С. 27–31.
- Доброхотов А.Л.* Данте Алигьери. М.: Мысль, 1990. 207 с.
- Захарова Е.М.* Использование фигуры речи сравнения в романе Германа Гессе «Дамиан. История юности, написанная Эмилем Синклером» (на примере денотативной сферы «Предметы и артефакты») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 9–10 (104). С. 176–181.
- Злотникова Т.С., Куимова В.М.* Трансформации женского архетипа в творчестве Германа Гессе // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 2. С. 179–183.
- Каралашвили Р.Г.* Мир романа Германа Гессе. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1984. 264 с.
- Корбелла К.* «Новая жизнь» и «Пир»: к вопросу о природе Беатриче // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2020. № 63. С. 49–63. DOI: 10.15382/sturIII202063.49-63
- Красавский Н.А.* Ключевые концепты «Страх» и «Вина» в романе Германа Гессе «Дамиан. История юности, написанная Эмилем Синклером» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 8 (121). С. 134–139.
- Малащенко В.В.* Мотив игры с демоном в романе Г. Гессе «Дамиан» // Вестник Ростовского государственного университета. 2008. № 8. С. 81–85.
- Малащенко В.В.* Тема двойничества в повести Г. Гессе «Дамиан» // Художественное мышление в литературе XVIII–XX веков: сб. науч. тр. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 1996. С. 96–103.
- Малащенко В.В.* Феномен игры в прозе Германа Гессе («Дамиан», «Кляйн и Вагнер», «Последнее лето Клингзора»): дисс. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008. 213 с.
- Маркович Е.* Герман Гессе и его роман «Игра в бисер» // Гессе Г. Игра в бисер. М.: Худож. лит., 1969. С. 5–27.
- Пигалев А.И.* Премудрость Божия как вечная женственность: Данте и Вл.С. Соловьев о софийном единстве // Соловьевские исследования. 2021. № 4 (72). С. 54–69. DOI: 10.17588/2076-9210.2021.4.054-069

- Салега В.Н. Принцип двоимирия и единства мира в романе Г. Гессе «Демьян» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2018. № 10. С. 100–108.
- Сенэс Ж., Сенэс М. Герман Гессе, или Жизнь Мага / пер. с фр. А. Винник. М.: Молодая гвардия, 2004. 277 с.
- Трубникова Ю.Ю. Слушая мифологический голос: феминистская архетипическая критика о женском творчестве // Филологический класс. 2012. № 4. С. 143–145.
- Факснелд П. Инфернальный феминизм / пер. с англ. Т. Азаркович. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 832 с.
- Rodchyn Z., Blahun N. Gender and Archetype as Components of the Character Analysis in “Demian” and “Narcissus and Golmund” by Hermann Hesse. Езиков свят – Orbis Linguarum. 2022. Vol. 20, № 1. P. 164–175. URL: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=1043473> (дата обращения: 18.02.2023).
- Tusken Lewis W.A. Mixing of Metaphors: Masculine-Feminine Interplay in the Novels of Hermann Hesse // The Modern Language Review. 1992. Vol. 87, № 3. P. 626–635.

REFERENCES

- Berezina, A.G. *German Gesse [Hermann Hesse]*, ed. I.S. Iavorskaia. Leningrad, Leningrad University Publ., 1976. 126 p. (In Russ.)
- Berezina, A.G. “Filosofiiia muzyki v tvorchestve Germana Gesse” [“Philosophy of Music in Works by Hermann Hesse”]. *Literalura i muzyka [Literature and Music]*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1975, pp. 195–206. (In Russ.)
- Gutmanis, A.E. “Put’ Germana Gesse k sozdaniiu kontseptsii sovershennoi lichnosti” [“Hermann Hesse’s Path to Creating a Concept of the Perfect Person”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 9: Filologiiia*, no. 6, 1987, pp. 27–31. (In Russ.)
- Dobrokhotov, A.L. *Dante Alig’eri [Dante Alighieri]*. Moscow, Mysl’ Publ., 1990. 207 p. (In Russ.)
- Zakharova, E.M. “Ispol’zovanie figury rechi sraneniia v romane Germana Gesse ‘Demian. Istoriia iunosti, napisannaia Emilem Sinklerom’ (na primere denotativnoi sfery ‘Predmety i artefakty’)” [“Use of Speech Figure of Comparison in the Novel by Hermann Hesse ‘Demian. Story of Youth Written by Emil Sinclair’ (by the Example of the Denotative Sphere ‘Subjects and Artifacts’)”]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 9–10 (104), 2015, pp. 176–181. (In Russ.)
- Zlotnikova, T.S., and V.M. Kuimova. “Transformatsii zhenskogo arkhetaipa v

- tvorchestve Germana Gesse” [“Transformations of the Woman’s Archetype in Hermann Hesse’s Literary Creation”]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 2, 2016, pp. 179–183. (In Russ.)
- Karalashvili, R.G. *Mir romana Germana Gesse [The World of Hermann Hesse’s Novel]*. Tbilisi, Sabchota Sakartvelo Publ., 1984. 264 p. (In Russ.)
- Korbella, K. “‘Novaia zhizn’ i ‘Pir’: k voprosu o prirode Beatriche” [“‘Vita Nuova’ and ‘Convivio’: on the Question of Beatrice’s Nature”]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii 3: Filologiya*, no. 63, 2020, pp. 49–63. DOI: 10.15382/sturIII202063.49-63 (In Russ.)
- Krasavskii, N.A. “Kliuchevye kontsepty ‘strakh’ i ‘vina’ v romane Germana Gesse ‘Demian. Istoriia iunosti, napisannaia Emilem Sinklerom.’” [“Key Concepts of ‘Fear’ and ‘Guilt’ in the Novel by Hermann Hesse ‘Demian. Story of Youth Written by Emil Sinclair.’”] *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 8 (121), 2017, pp. 134–139. (In Russ.)
- Malashchenko, V.V. “Motiv igry s demonom v romane G. Gesse ‘Demian.’” [“Playing with the Devil in Hermann Hesse’s ‘Demian.’”] *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8, 2008, pp. 81–85. (In Russ.)
- Malashchenko, V.V. “Tema dvoinichestva v povesti G. Gesse ‘Demian.’” [“Double-ganger Theme in the Novel by Hermann Hesse ‘Demian.’”] *Khudozhestvennoe myshlenie v literature XVIII–XIX vekov: sbornik nauchnykh trudov [Artistic Thinking in the 18th–19th Century Literature: Collection of Scholarly Works]*. Kaliningrad, Kaliningrad University Publ., 1996, pp. 96–103. (In Russ.)
- Malashchenko, V.V. *Fenomen igry v proze Germana Gesse (“Demian”, “Kliain i Vagner”, “Poslednee leto Klingzora”)* [The Phenomenon of Game in Works by Hermann Hesse (“Demian”, “Klein and Wagner”, “Klingsor’s Last Summer”): PhD Dissertation]. Kaliningrad, 2008. 213 p. (In Russ.)
- Markovich, E. “German Gesse i ego roman ‘Igra v biser.’” [“Hermann Hesse and His Novel ‘The Glass Bead Game.’”] *Gesse, G. Igra v biser [The Glass Bead Game]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1969. pp. 5–27. (In Russ.)
- Pigalev, A.I. “Premudrost’ Bozhiiia kak vechnaia zhenstvennost’: Dante i V.I.S. Solov’ev o sofiinom edinstve” [“The Wisdom of God as the Eternal Feminine: Dante and V.S. Solovyov on Sophianic Unity”]. *Solov’evskie issledovaniia*, no. 4 (72), 2021, pp. 54–69. DOI: 10.17588/2076-9210.2021.4.054-069 (In Russ.)
- Sapega, V.N. “Printsip dvoemiriia i edinstva mira v romane G. Gesse ‘Demian.’” [“The Principle of the Double Worldview and the World Unity in H. Hesse’s Novel ‘Demian.’”]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii A: Gumanitarnye nauki*, no. 10, 2018, pp. 100–108. (In Russ.)
- Sénès, J., and M. Sénès. *German Gesse, ili zhizn’ maga [Hermann Hesse: the Life of a Magician]*, trans. from French A. Vinnik. Moscow, Molodaia Gvardia Publ., 2004. 277 p. (In Russ.)

- Trubnikova, Iu.Iu. “Slushaiia mifologicheskii golos: feministaskaia arkhjetipicheskaia kritika o zhenskom tvorchestve” [“Listening to the Mythological Voice: Feminist Archetypal Criticism about the Women’s Creativity”]. *Filologicheskii klass*, no. 4, 2012, pp. 143–145. (In Russ.)
- Faxneld, P. *Infernal’nyi feminism [Satanic Feminism]*, trans. from English T. Azarkovich. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 832 p. (In Russ.)
- Rodchyn, Zoriana, and Nataliia Blahun. “Gender and Archetype as Components of the Character Analysis in ‘Demian’ and ‘Narcissus and Golmund’ by Hermann Hesse.” *Ezikov sviat – Orbis Linguarum*, vol. 20, no. 1, 2022. pp. 164–175. Available at: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=1043473> (Accessed 18 February 2023). (In English)
- Tusken, Lewis W. “A Mixing of Metaphors: Masculine-Feminine Interplay in the Novels of Hermann Hesse.” *The Modern Language Review*, vol. 87, no. 3, 1992, pp. 626–635. Available at: <https://doi.org/10.2307/3732925> (Accessed 13 January 2023). (In English)